

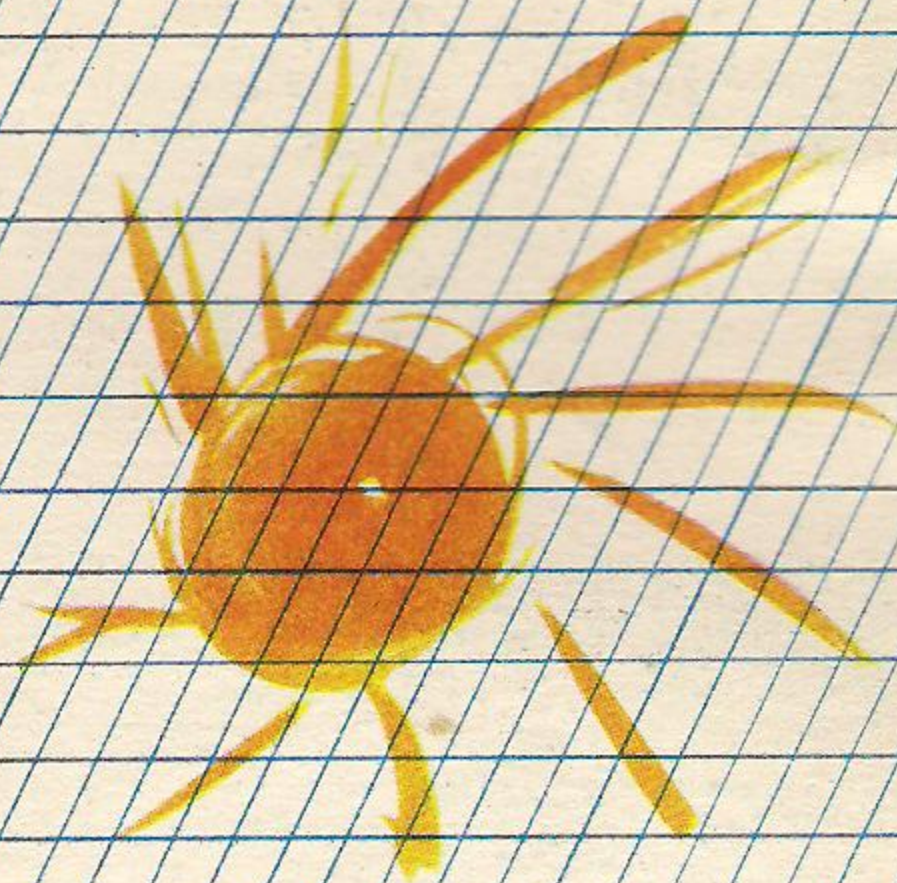

МУРЗИКА

№ 9 Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников
младших классов Сентябрь
1957

УГАДАЙ

ОДИН КОСТЁР
ВСЁ СВЕТО СОГРЕВАЕТ.

НЕ КУСТ, А С ЛИСТОЧКАМИ,
НЕ РУБАШКА, А СШИТА,
НЕ ЧЕЛОВЕК,
А РАССКАЗЫВАЕТ,

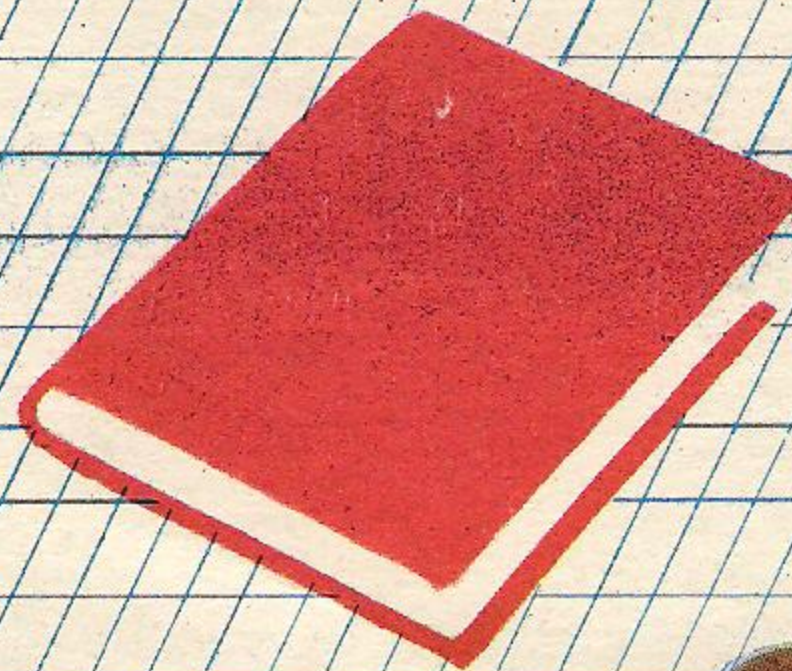

СТОИТ АНТОШКА
НА ОДНОЙ НОЖКЕ.
ЕГО ИЩУТ, А ОН НЕ ОТЗЫВАЕТСЯ.

ЧТО ВСЕГДА ХОДИТ,
А С МЕСТА НЕ СХОДИТ?

В БЕЛЕНЬКОМ БОЧЁНКЕ
ДВА ПИВЦА:
БЕЛОЕ ДА ЖЁЛТОЕ.

САМ В ДОМЕ,
А ГОЛОВА НАРУЖУ.

рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

НОВАЯ ЖИЗНЬ

В парикмахерской было очень много ребят, и мама с Серёжей стали дожидаться своей очереди. Вышел заведующий, покачал круглой головой.

— Эх вы, чубарики! Придётся для вас второго мастера ставить! — И крикнул за бархатную синюю занавеску: — Пётр Васильевич, помогите, пожалуйста, ребят к новой жизни готовить!

Из-за занавески вышел усатый Пётр Васильевич, оглядел ребят и очень важно пригласил:

— Прошу, молодые люди, кто следующий?

Серёже показалось, что сейчас вместе с чубом куда-то уйдёт от него прежняя знакомая жизнь.

— Что, отбаловался? Теперь, стало быть, под замок! — Грозно сдвинул мохнатые брови Пётр Васильевич, плотно закутывая его в белую простынку.

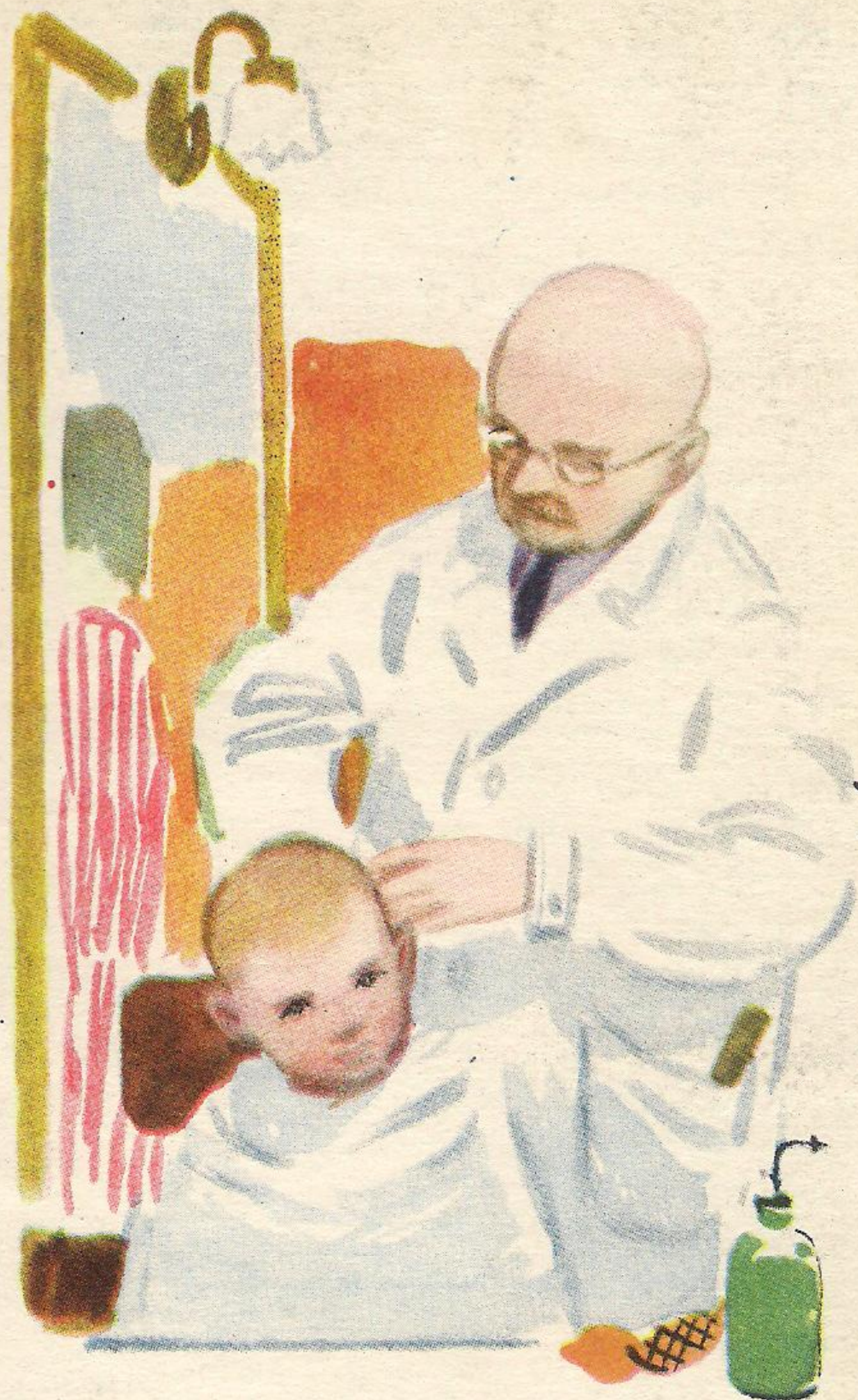
Но Серёжа очень хорошо видел, как под жёлто-белыми пушистыми усами притаилась хитрая улыбка.

Серёжа хотел сказать: «Знаю, шутите!» Но к затылку прикоснулась холодная машинка, и он немножко поёжился, когда почувствовал, как она поползла вверх, к макушке, тихонько побрякивая.

На белую простынку упал тёмный клоч. Это был Серёжин чуб. Конечно, может, он и вовсе не нужен для новой жизни, которая начнётся завтра. Но всё равно немножко жаль... Серёжа покосился на тяжёлый, с рыжеватым отливом завиток и осторожно пошевелил его пальцем. Завиток рассыпался, и лёгкие колечки упали на пол.

— Ну, в добрый час!.. — Пётр Васильевич снял с Серёжи простынку и стряхнул с шеи мягкой щёткой последние волосы.

Вечером Серёжа вспомнил, что завтра утром у него очень важный разговор за гаражами с Васькой Рыжиком. Как же быть?

— Мама, а в школу нельзя послезавтра? — осторожно попросил Серёжа.

Но мама даже ничего не ответила.

Серёжа надулся. Ну, если эта самая «новая жизнь» будет всегда мешать его делам, то ничего хорошего в ней нет!

— Ну, Серёжка, будь молодчиком-лётчиком! — сказал, прощаясь с ним на ночь, папа. — И нечего нос вешать!

Серёжа уткнулся в подушку, зажмурился и стал придумывать, как всё-таки сделать, чтобы «завтра» отодвинуть хоть на денёк. Но «завтра» ведь всегда наступает завтра. И ничего тут нельзя поделать.

— Серёженька, пора! — услышал он вдруг.

«Неужели утро?» Внутри у него что-то защекало. Серёжа сделал вид, что не

проснулся и даже громко всхрапнул: пусть мама подумает, что он спит, и пожалеет будить ещё раз. Тогда можно побежать во двор, к Рыжику. И вдруг вспомнил:

«Рыжик?.. Да ведь и Рыжик сегодня тоже...»

— Мама! Мама! Я уже готов! — громко закричал Серёжа, вскакивая с кровати и наскоро зашнуровывая ботинки.

— Вот ведь что значит «новая жизнь!» — смеялась мама.

А Серёжа уже подхватил сумку и со всех ног, через две ступеньки, помчался по лестнице. Мама едва поспевала за ним.

По двору из всего их огромного дома шли ребята.

Серёжа стал оглядываться — искать Ваську Рыжика: неужели он позже?

— Ты чего, как мокрая курица? — толкнул его кто-то в бок.

Серёжа сердито покосился и сжал кулак, но вдруг сразу повеселел: да это же

друг — Сашка! Тут всё вокруг зашумело, идти стало тесно. Серёжа огляделся: сколько народу, сколько цветов!..

— Мама! Мамочка! А мой? А я забыл! — закричал он, дёргая маму за рукав.

Мама очень тихо сказала:

— Вытри глаза и не шуми. Вот твоя китайская роза. Держи крепко!

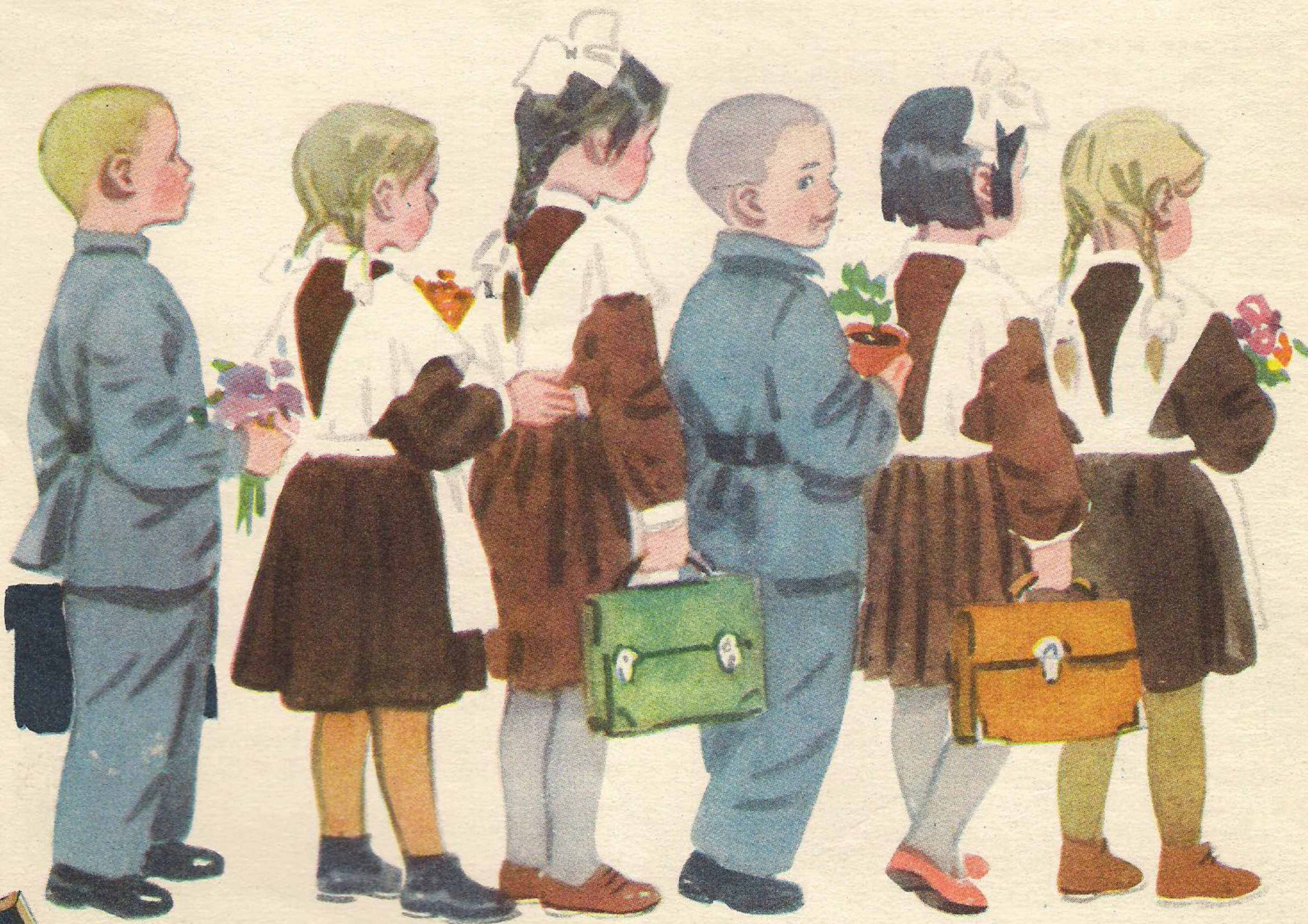
«Ну и мама! Всегда выручит», — подумал Серёжа, а мама сказала кому-то:

— Вот, Ольга Александровна, ещё ваш ученик.

Серёжа посмотрел на учительницу: в очень гладких и очень чёрных её волосах блестели на солнце серебряные ниточки.

— Становись пока тут, — указала Ольга Александровна. — Да не вертись: найдутся твои друзья-приятели!

Серёжа с удивлением смотрел в её тёмные, смеющиеся глаза: как это она сразу догадалась, что он ищет Рыжика и Сашу?

А Ольга Александровна опять сказала, только очень тихо:

— Я хитрая. Всё могу угадать. Вот ты сегодня очень торопился, верно?

И засмеялась так необидно, что Серёжа тоже заулыбался и спросил:

— А вы почему знаете?

— Ботинки твои мне всё рассказали!

Серёжа даже рот раскрыл: как это ботинки могут рассказывать?

— Эх, ты! Скорый, поспех! — прошептала над ухом мама. — Погляди-ка...

Серёжа глянул на свои ноги.

— Вы, может быть, думаете, он у нас и одеваться сам не умеет? — сказала мама Ольге Александровне — Отлично всё может, только спешит — очень занятой человек!

— Я знаю. Мои ученики всё умеют делать. Очень самостоятельные люди! — очень гордо ответила Ольга Александровна.

Тут все ребята стали рассказывать, кто

что умеет. Серёжа начал про то, как они с папой табуретку чинили, но кто-то вдруг громко сказал:

— Первый класс «Б».

И всё вокруг сразу заволновались.

Ольга Александровна встала впереди самой первой девочки.

— Серёжа... Серёженька... Иди. Это тебе... вам, — торопливо проговорила мама и поцеловала его голую макушку.

Серёжа потянулся к маме, вытянул трубочкой губы, но потом решил просто кивнуть. Линеечка двинулась вперёд, к раскрытой двери. Мамы и бабушки остались позади. Серёже вдруг понадобилось сказать маме что-то очень важное, он обернулся, но девочка, которая стояла сзади, заторопила его, и Серёжа не заметил, как перешагнул порог двери, широко распахнутой перед ним и перед всеми ребятами.

Там, за этим порогом, и начиналась их большая, новая жизнь...

ТЫКВА

Много разных экспонатов
Есть на выставке юннатов.

Эту тыкву на машине
Привезли мы. Тяжело!..

Поднесли втроём к витрине,
Не поместим под стекло.

Положили на окно —

Видно тыкву всё равно.

Вот идёт старик учёный

И студентам говорит:

— Это сорт распространённый,

Но как будто новый вид.

А студенты говорят:

— Это новый сорт „Юннат“!

Юрий ШУХОВ

ПОДСОЛНУХИ

Над ними ярко
Молния сверкала
И грохотал салютом гром.
Весна дождём
Их щедро поливала
И обдувала ветерком.

Каким теперь
Нарядным поле стало!..
Торчат зубцами лепестки...
Сюда как будто
Солнышко упало
И расколосось на куски.

И. БЕЛЯКОВ

ДНЕПРОВСКАЯ ГЭС

Первые годы после гражданской войны очень трудно жилось молодой Советской стране. Но потом понемногу жизнь стала налаживаться. Уже работали заводы, и поезда бежали по дорогам, и хлеб зрел на крестьянских полях... Но жизнь всё равно была трудная, и за что ни возьмись — всего не хватало.

Вот тогда партия и сказала народу: по-старому жить нельзя! Нужно заново строить всё хозяйство. Так сделать, чтобы не вдвое, не втрое, а в десятки раз больше прежнего стало и металла, и хлеба, и угля, и книг, и школ, и больниц.

Стали строить новые заводы, шахты, дороги... Трудно было, но всё равно строили. Строили и мечтали: вот бы электричества побольше!.. Электричество — работник послушный, помощник надёжный — любую работу сделает быстро и хорошо.

Задумали покорить великие реки, превратить их могучую силу в электричество.

Начать решили с Днепра — реки многоводной, сильной, только очень уж своенравной реки.

Знали: трудно будет справиться с Днепром. Но знали и другое: нет такого трудного дела, чтобы весь народ не осилил.

И вот в тот самый день, когда советской власти исполнилось ровно десять лет, загремели на

берегах Днепра лопаты и молоты, застучали топоры, запели пилы.

Тысячи людей пришли в те годы на днепровскую стройку. По утрам, раскрывая газеты, и старики и молодые первым делом смотрели: что там, на Днестре, сколько сделано, сколько осталось сделать?

В то время не было ни шагающих экскаваторов, ни земснарядов, ни многотонных грузовиков-самосвалов. Землю копали лопатой, возили тачками, а то и на носилках носили, камень дробили киркой, бетон месили вручную.

А всё-таки двигалось дело вперёд, и пять лет спустя Днепровская гидроэлектростанция имени В. И. Ленина дала первый ток.

Для всего советского народа это был великий праздник!

И сразу легче пошла работа по всей стране, и стройка пошла скорее. Выросли новые заводы. На заводах построили машины, машины пошли работать в шахты, на поля, на новые заводы, на новые стройки...

С тех пор прошло тридцать лет. Давно выросли по всей стране новые электростанции, и есть такие, что много сильнее Днепрогэса. А всё равно Днепрогэс всегда будут помнить, потому что днепровская стройка была первой всенародной стройкой.

М. КОРШУНОВ

Рис. А. ЛИВАНОВА

МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА

Совсем маленькую девочку, которая ещё не умела ни ходить, ни говорить, а умела только смеяться или плакать, нашли моряки-балтийцы.

Нашли в рыбацком посёлке, под старой перевернутой лодкой у самого края волны.

В посёлке было всего лишь несколько домов, обветренных морем, прогретых солнцем.

В них жили простые люди. Они занимались мирным трудом: ловили треску и салаку.

Но однажды в посёлок нагрянули каратели царского генерала Юденича, которые шли войной на Петроград. Кого тут не убили, того угнали в штаб. Они расправились с рыбаками за то, что рыбаки помогали осаждённому городу: посылали треску и салаку.

Только вот осталась маленькая девочка под старой перевернутой лодкой у самого края волны. Очевидно, кто-то из рыбаков спрятал её туда в надежде спасти от карателей.

Девочку нашёл дозорный матрос Григорий Куценко. Ему показалось, что под

лодкой лежит свёрток канатов и сетей. Но когда он свёрток вытащил, то даже испугался: на его огрубевших от походов ладонях лежала маленькая девочка.

Призадумались бойцы: как поступить?.. Места кругом пустынные, нигде никакого жилья. Так что передать девочку некому.

Но не погибать же ей одной у моря!

И тогда балтийцы взяли её с собой, чтобы на обратном пути отдать родителям, если родители вернутся в посёлок.

Девочку укутали в чёрный суконный бушлат и перевязали старой пулемётной лентой: больше перевязать было нечем.

И вот девочка отправилась с матросами, которые несли пулемёты, гранаты, цинки с патронами, сигнальные флажки, сапёрные лопатки, — отправилась в боевой поход в тыл армии Юденича.

Девочку кормили сахаром, распущенным в воде, рыбным бульоном, коровьим молоком, разваренной картошкой.

Чтобы не плакала, укачивали, как умели; давали поиграть ленточками от бескозырок, медной бляхой или просто показывали море и голубых чаек.

При стычках с белыми её клали рядом в окопы или прятали в глубине скал.

Она слышала удары гранат о землю, топот солдатских сапог, стальной хруст винтовочных затворов, шелест пуль в воздухе.

Она грелась у горячих костров, с ней переплывали холодные реки, крались ноч-

ными вражескими тропами, чистили винтовки, промывали раны.

Уходило и приходило солнце. Уходили и приходили звёзды.

Девочка жила.

Когда боевое задание было выполнено, матросы двинулись в обратный путь на Петроград, в Кронштадт.

Они вновь шагали берегом моря и несли пулемёты, гранаты, цинки с патронами, сигнальные флажки, сапёрные лопатки и маленькую девочку, завернутую в чёрный суконный бушлат и перевязанную старой пулемётной лентой.

Вскоре матросы добрались до посёлка, где нашли девочку.

Посёлок по-прежнему стоял пустой и заброшенный: никто из рыбаков не вернулся.

И тогда матросы окончательно решили оставить девочку у себя, пока не доберутся до Кронштадта.

Но у каждого человека — маленького или большого — есть имя, отчество и фамилия.

А у девочки ничего этого не было.

— Так пусть будет! — постановили матросы и дали ей имя Ермина, потому что она была родом из посёлка Ермины, отчество — Григорьевна, потому что её нашёл дозорный Григорий Куценко, а фамилию — Балтийская, потому что они сами были моряками-балтийцами Кронштадтского революционного флота.

КАРАУЛЬЩИК

С. МИРИМСКИЙ

Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА

Воробьи только и ждали, когда взрослые уедут на плотину и оставят Тимку одного. Они слетелись на колхозное гумно, барахтались и прыгали в зерне, точно для них рассыпали здесь всё это добро. А Тимку даже и не замечали, вроде его и не было здесь, будто он и не человек, а столб какой.

— Ах, так?! — обозлился Тимка и выломал в кустах длинную хворостину. — Получайте вот!..

И задал воришкам такого переполоху, что они долго после этого не показывали из кустов свои нахальные носы.

А солнце всё-выше забиралось в небо. Вкатилось на самый верх — дальше уж некуда! — и давай всю жарить и палить. И на всей земле установилась сонная тишина. Не спал только ветерок, сухой и горячий, — он свеивал с зерна и уносил в поле золотистую мякину.

В глазах у Тимки каруселью пошли круги; он уронил хворостину и поплелся к кустам, где можно было спрятаться от солнца. Тимка выбрал место, где трава погуще, нырнул в прохладу и тотчас уснул.

Когда послышался автомобильный гудок, Тимка выскочил из кустов и долго не мог сообразить, где он находится и какое сейчас время дня. У гумна стоял грузовик.

— Эй! — крикнул Тимка, окончательно проснувшись. — Крути обратно, не видишь — зерно? Давай, давай, тикай отсюда!

Шофёр не отозвался. Он сидел на корточках у заднего колеса и пинал кулаком в покрышку.

— Куда едешь? — строго спросил Тимка и нахмурил лоб.

— Не видишь, авария? Последнюю камеру ухлопал.

— Что же теперь делать будешь? — спросил Тимка. — Здесь стоять нельзя.

— Нельзя? — испугался шофёр. — А я и не знал. Вот беда-то!.. Как же мне быть?

Тимка тоже не знал, как ему быть, и почесал пальцем за ухом.

— Ну ладно, стойте, — разрешил он. — Наши с плотины приедут, чего-нибудь придумаем.

— Вот спасибо-то, — обрадовался шофёр. — Только ждать нельзя — время идёт.

Шофёр вытащил из кабины сиденье, и скоро вся полянка была завалена инструментами, как в мастерской МТС.

— Вода у вас далеко? — спросил он. — Радиатор надо залить. Может, сбегает? Ногу домкратом зашиб, а то бы сам...

Тимка потоптался, подозрительно посмотрел на шофёра, подтянул штаны.

— Не... Мне нельзя. Я караульщик.

— Да ты не бойся. Покараулю за тебя, разве я не понимаю...

Тимка потуже затянул поясок на штанах и пронзительно сощурил глаза.

— Сказано, караульщик я тут, непонятно, что ли? — закричал он грубым голосом. — Давай чини — и тикай! Кому говорят, тикай?!.

У шофёра бровь полезла вверх от удивления. Он встал, вытер руки о штаны и, пытливо оглядев Тимку, чуть усмехнулся.

— Ишь ты, сверчок! А мне что делать, так и пропадать? Пропадать, значит?

Тимка промолчал. А шофёр больше слова не сказал. Ковыляя, поднёс под машину маленький, не больше щенка, домкрат и поднял им огромный, как дом, грузовик. Снял заднее колесо, свалил на траву и, присев на покрышку, вытер ладонью мокрый лоб.

Солнце не так палило, но было ещё жаркое. Тимка стоял поодаль и смотрел. Смотрел, как шофёр мучается. А когда тот стянул с себя рубаху, Тимка тоже сбросил рубаху и остался в одной майке. А когда шофёр засунул под край покрышки длинный железный костыль, Тимка не вытерпел и молча пристроился рядом. Теперь уже вместе, прижимаясь горячими плечами, толкали они вниз костыль, толкали и толкали до тех пор, пока проклятая покрышка не вылезла наружу. И лица их, мокрые и красные, осветились радостью. Что там ни говори, силёнок Тимка своих не пожалел. Один бы шофёр, пожалуй, не осилил.

Так всегда бывает: вместе с человеком поработаешь, он тебе вроде как товарищ становится, но особенно полюбишь того, кому помог.

— Дядя Панас, а вы зерно покараулите? — спросил Тимка. — Я вам хворостину оставлю, воробьёв попугаете, ладно?

Панас посмотрел на мальчика размышляющим взглядом, погладил рукой небритую щёку.

— А как же зерно? Разве можно на чужого человека оставлять?

У Тимки жилка на лбу вздулась от сомнения: может, и в самом деле нельзя оставлять? Но, с другой стороны, вместе потрудились, и дядя Панас вроде как уже не чужой.

— Есть выход! — обрадовался Панас. — На вот тебе ключ от машины. Без ключа никуда не уеду. Полная гарантия.

И жилка на лбу у Тимки сразу растаяла.

— Ладно, — согласился он, привязал ключ к пояску и подхватил брезентовое ведро.

Бежал Тимка долго. Ноги вязли в густой луговой траве, ромашки хлестали по лодыжкам. Совсем уж выдохся Тимка, но вот в зарослях ольхи и берёзы блеснула река. А тут прямо из лесочка выкатил навстречу грузовик и остановился перед Тимкой.

— Мапочки, это никак наш Тимка?! — удиви-

лась звеньевая Ксения и, свесившись через борт, набросилась на него: — Да как ты смел уйти с гумна, дуралей безрассудный?! Да что же это на белом свете делается, совесть всякую потерял! Горе ты моё, несчастье!..

— Залазь в машину, — буркнул шофёр Степан. — В дороге разберёмся.

Но Тимка замотал головой, показывая на ведро. Слова после долгого бега застряли в горле и никак не выговаривались.

— Он ещё оправдывается, — возмутилась Ксения. — Ему колхозное добро доверили, а он купаться побежал, голова малоумная!

— Что с малого спрашивать, — вступилась старушка, повязанная белым платком. — Разве дитё смыслит?!

Тимка ото всех этих слов часто засопел, в глазах зачесалось, словно понюхал горького лука. Ещё дуралеем обзывают!

Всю обратную дорогу Тимка молчал. Он смотрел в сторону, вздыхал и осторожно придерживал брезентовое ведро, полное воды. Объясняться с обидчиками он не хотел.

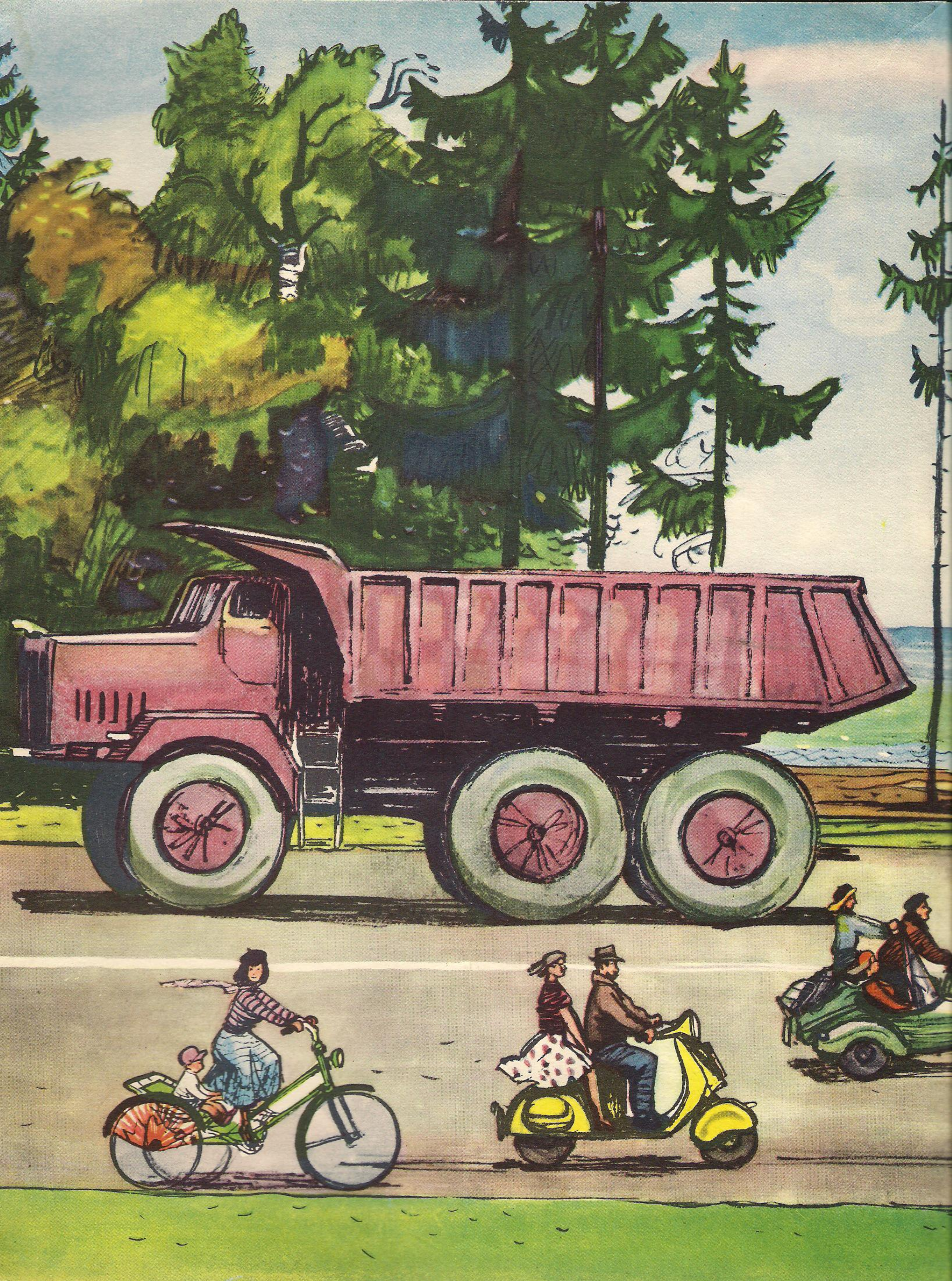
Когда подъезжали к гумну, Степан притормозил машину, выглянул наружу и присвистнул от изумления. По их колхозному зерну бегал, прихрамывая, чумазый, голый до пояса человек и размахивал хворостиной. А рядом стояла чужая машина. Неужто на их колхозное добро польстились лихие люди? Но чумазый вдруг остановился, посмотрел из-под ладони на приезжих и радостно заковылял навстречу.

— Тимка? Вот ладно-то!.. А я тут с воробьями воюю. Пока камеру клеил, раз десять отрывали, окаянные!

Степан и Ксения переглянулись: вот так оконфузились!.. Выходит, ни за что ни про что поклёп на честного человека возвели. А Тимка спрыгнул с машины, подхватил ведёрко — и к Панасу.

По дороге не пролилось ни одной капли. Весь взлохмаченный и красный от неостывшей ещё обиды, Тимка передал Панасу ведро и ключ от машины, а сам взял хворостину. Теперь уж никто не сомневался, что в колхозе был надёжный караульщик.

Дорогие ребята, все вы, конечно, ездили в поезде, в автомобиле, плавали на пароходе, а иные и на самолёте летали.

Все эти замечательные машины сделаны нашими рабочими и инженерами. Но люди постоянно придумывают и строят всё новые и новые машины.

В Москве на Всесоюзной промышленной выставке можно увидеть очень много новых машин, а некоторые из них уже встречаются на улицах и дорогах нашей страны.

Я недавно был на этой выставке и нарисовал для вас картинку.

Вот по морю плывёт пароход, но это уже не пароход, ведь двигает его не пар, а атомная энергия, — это атомный ледокол. А на берегу рыбак около лодочки, которая называется «Утёнок». Такие лодочки тоже нужны, каждый любитель рыбной ловли захочет иметь такую.

По дороге идёт грузовик силач-великан, поднимающий сразу сорок тонн груза. Маленькие машины, которые бегут по шоссе, называются мотороллерами; они похожи на мотоциклы, но ездить на них удобнее, особенно в маленькой каретке, которую прицепляют сбоку.

Такую же каретку, только поменьше, можно прицепить к велосипеду.

А вот опять мотороллер, только к нему приделан деревянный ящик — это для грузов.

А вот едет странный велосипед, с ящиком впереди. Это моторный велосипед для почтальонов. Сзади у него багажник для писем, посылок, а впереди почтовый ящик.

Вертолёт может быть использован для разных нужд. Но этот летящий над морем прилетел с ледокола. Когда ледокол попадёт во льды, вертолёту будет много работы: разведывать дорогу, перевозить людей и вещи.

На выставке есть ещё очень много умных и нужных машин. Они помогут человеку в труде, дадут возможность людям быстрее и удобнее ездить.

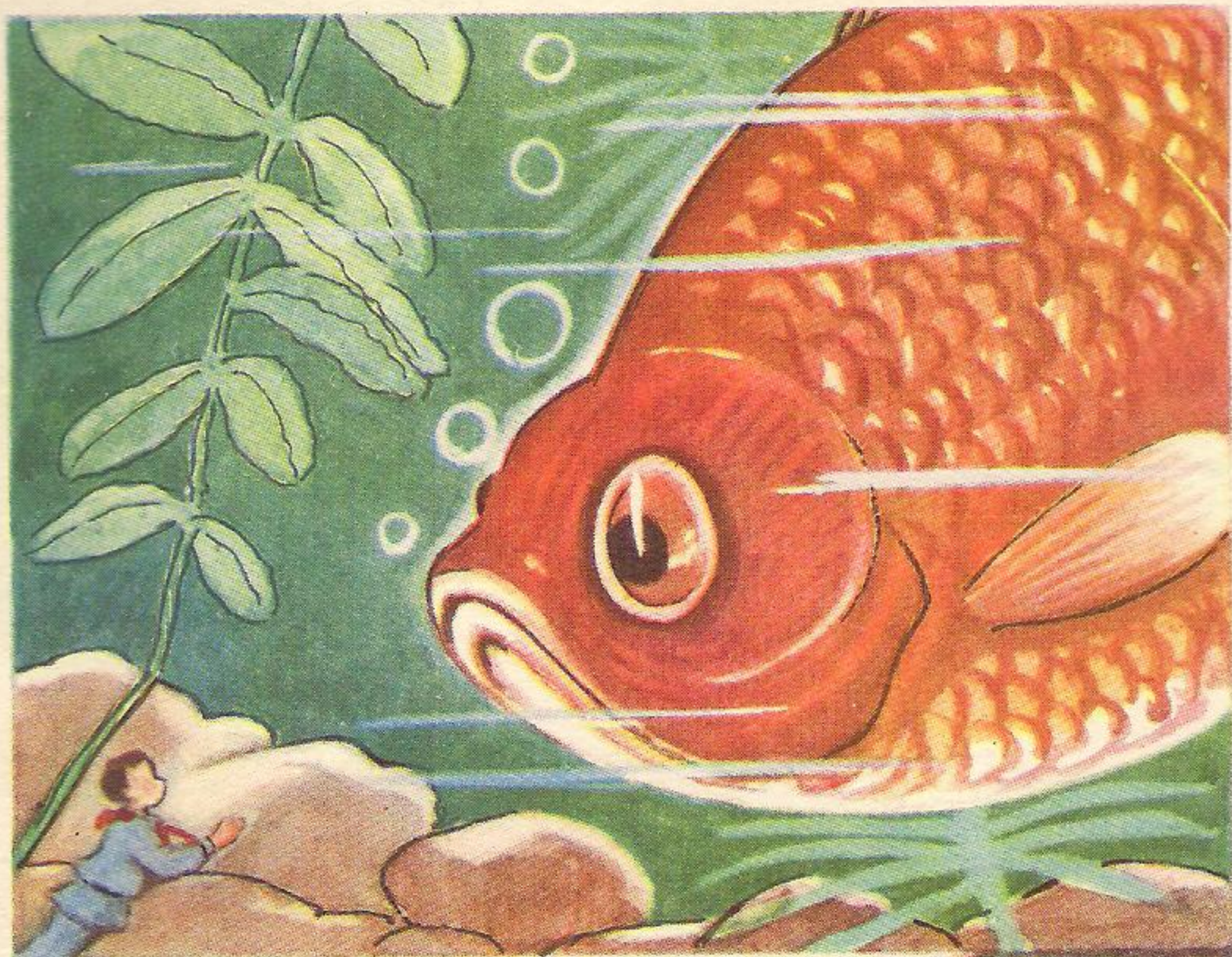
Ф. ЛЕМКУЛЬ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАКАРА ПЁРЫШКИНА В ПОДВОДНОМ ЦАРСТВЕ

Сергей ЖЕМАЙТИС

СКАЗКА

Рис. В. КОНСТАНТИНОВА

ки с любопытством разглядывали его. Раз он повис было на колючей зелёной водоросли, и тут какой-то нахальный малёк укусил его за палец.

Наконец ноги Макара мягко коснулись дна. Он стоял на золотой поляне возле холма, недалеко зеленел подводный лес. Макар заметил, что на листьях одного из растений лежали огромные бриллиантовые шары. Время от времени один из шаров с лёг-

На первом уроке учитель велел Макару Пёрышкину выйти из класса. Макар уселся в коридоре на подоконник возле аквариума и по обыкновению начал оправдываться перед самим собой. И оказалось, что Макар совсем не виноват, что сорока, которую он принёс в класс, совершенно случайно вылетела у него из портфеля.

«Подумаешь, сорока! Вот если бы я орла в классе выпустил, тогда другое дело!..» — заключил Макар свои размышления и погрузился в мечту о том времени, когда он не будет ходить в школу.

«Я опущусь на дно морское, я поднимусь под облака», — расхвастался Макар, но тут услышал знакомые шаги. Выглянул из-за фикуса, — это шла его бабушка. Макар посмотрел в другую сторону и почувствовал, как у него сердце отчаянно забилось: оттуда шёл директор школы.

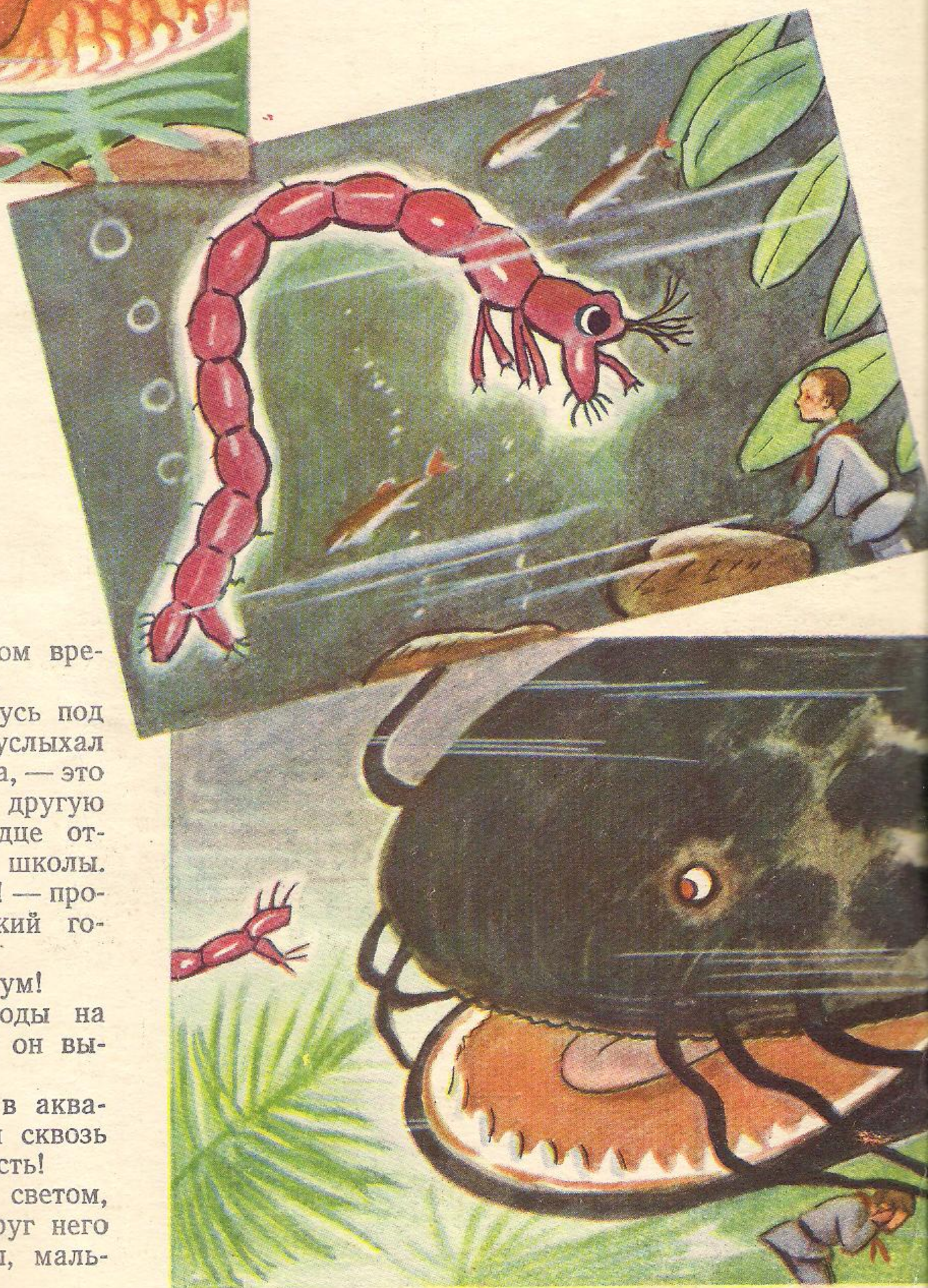
— Пропал!.. Взяли в железное кольцо! — простонал Макар и вдруг услышал тоненький голосок:

— Не падай духом. Прыгай в аквариум!

Макар оглянулся и увидел, что из воды на него смотрит золотая рыбка. Эту рыбку он вырастил из крохотного малька.

Макар, не раздумывая, сунул голову в аквариум. Он готов был сейчас провалиться сквозь землю, он прыгнул бы в огонь, в пропасть!

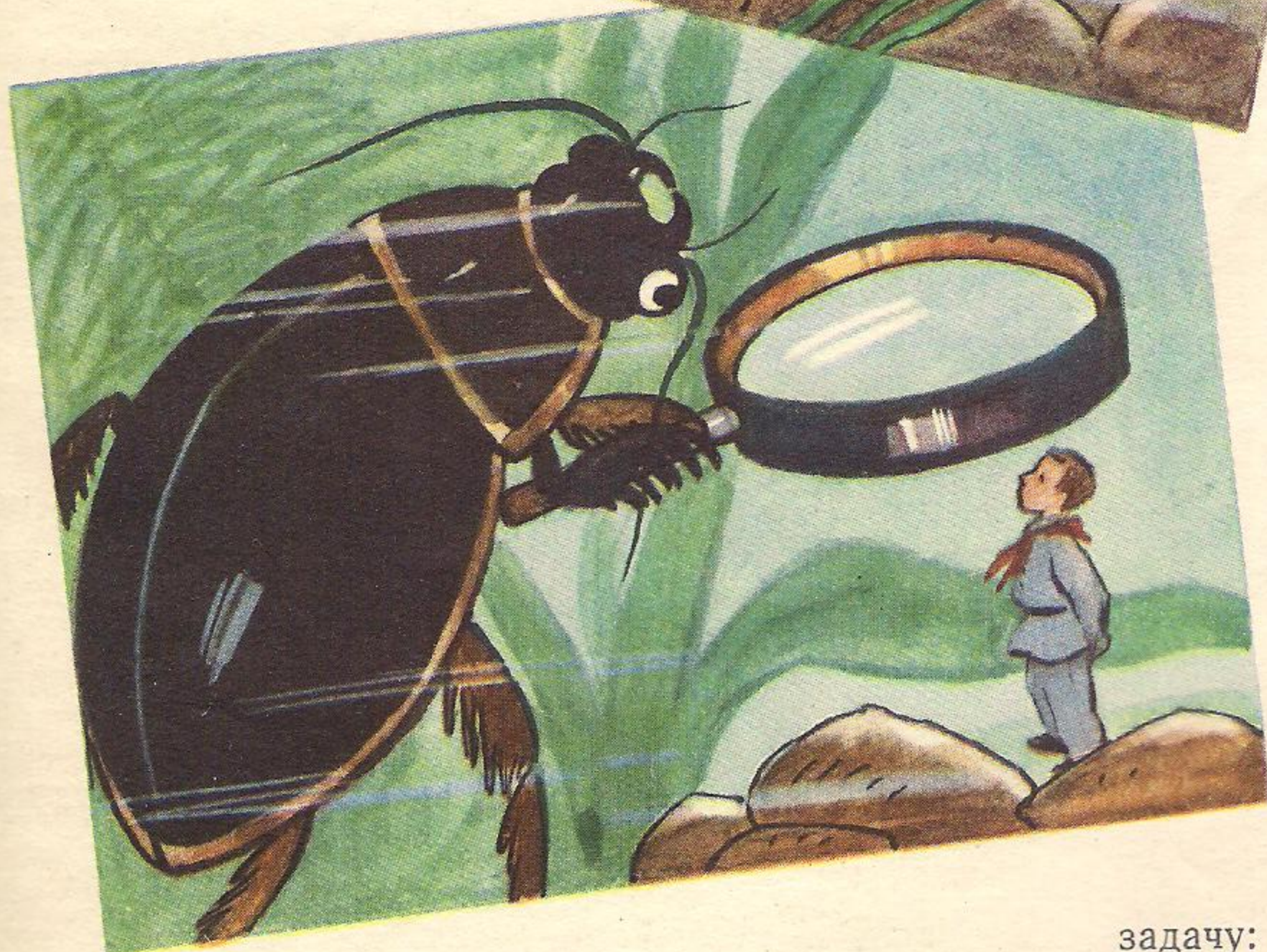
Окружённый волшебным голубым светом, Макар медленно опускался на дно. Вокруг него проплывали рыбы невероятной величины, маль-

ким треском отрывался и улетал куда-то в высоту. Из лесу показалась рыба величиной с подводную лодку.

Чудовище остановилось недалеко. От страха Макар стал было подкапываться под камень, но услышал знакомый голос:

— Макар, Макар! Где ты, это я, золотая рыбка! Ты извини меня, Макар, я немножко перестаралась. Мне надо было уменьшить тебя всего в десять раз, а я уменьшила в сто раз. Но это ничего, у нас есть народ и поменьше.

Здесь, наконец, исполнятся все твои желания. Ты можешь охотиться в непроходимых зарослях на кровожадных водяных блох, а хочешь — отправляйся путешествовать. Юго-западная часть нашего моря совсем ещё не изучена. Ну, счастливо оставаться!

Макар закрутился в водовороте. А когда всё утихло, позади кто-то захихикал. Макар оглянулся и увидел чудовище, похожее на дракона.

— Не бойся, — медленно шевеля губами, сказала чудовище. — Я мотыль, про тебя говорила мне золотая рыбка.

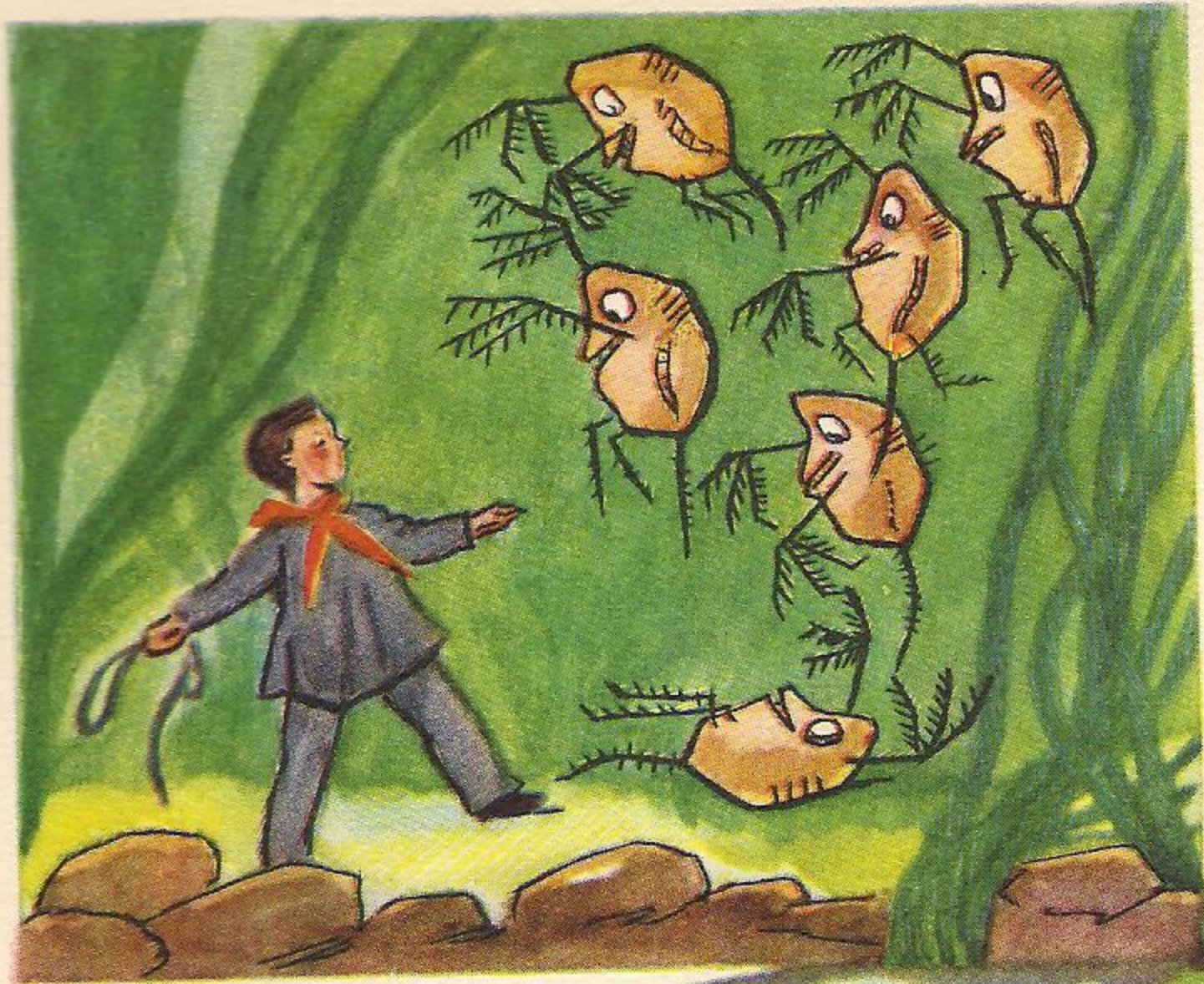
Слова добродушного мотыля мало успокоили Макара. Он зашёл за камень и оттуда с опаской следил за мотылём.

Мотыль оказался разговорчивым. Он рассказывал о себе и о своём семействе, о том, что он пуще всего на свете любит решать задачи и разгадывать головоломки.

Макар перебил его и спросил, не знает ли он, как выбраться на поверхность.

— Что ж, я покажу тебе дорогу, но ты сначала реши мне такую задачу: «На раковине лежит пять водяных блох. Раздели их между пятью карпами, да так, чтобы одна блоха ещё на раковине осталась».

Наслаждаясь смущением Макара, мотыль захохотал.

— Ну-ну!.. — стонал он от хохота. — Задача-то проще рыбьей чешуи.

Макар стал думать изо всех сил. Ему показалось, что у него даже в голове что-то поскрипывает от напряжения, но всё было тщетно. Макар не привык думать. «Эх, где теперь ребята из математического кружка?!» — с грустью вспомнил Макар.

Вдруг его внимание привлёк сом необыкновенных размеров. Раскрыв зубастую пасть, разбойник мчался прямо на Макара.

Когда сом промчался мимо, то вместо мотыля осталось лишь песчаное облачко.

— Прекрасно! — раздался чей-то злорадный голос. — Наконец-то этот болтун получил по заслугам!

Макар понял, что говорит катушка, которую он принял за холм. Из-под раковины выглядывала рогатая, как у улитки, голова.

— Вечно мотыль кичился своими знаниями, — продолжала катушка. — Этот простофиля думал, что умнее его нет никого на свете. Мне

золотая рыбка о тебе как-то рассказывала. Если я не ошибаюсь, ты учишься в четвёртом классе?

— Да, учусь... Учился, — с грустью поправился Макар.

— Ого!.. Ты учёный человек! Кстати, скажи мне, что такое имя существительное: это рыба или брюхоногий моллюск?

— Моллюск, — ляпнул Макар.

— Как приятно поговорить с образованным существом! Я очень довольна!

— Мудрая катушка, не поможете ли вы мне выбраться на поверхность?

Катушка удивилась:

— Зачем? Ведь у нас так прекрасно: тёплая вода и столько вкусной пищи! Живи, пока живётся, да приходи ко мне поговорить об умных вещах. Ну, а сейчас я вздремну. Меня утомляют учёные разговоры...

Долго ходил Макар по дну и не переставал удивляться тому, что вокруг так много непонятного. Так как Макар теперь был очень маленьким, он разглядел таких крохотных животных, о которых прежде и понятия не имел. Одни из них были похожи на звёзды, другие — на ежей, третьи — на кубики.

Макара окликнул ручейник, которого ребята привезли из пионерских лагерей. Ручейник, похожий на бревно, кряхтел и неуклюже шевелился.

— Молодой человек, — позвал ручейник, — не принесёшь ли ты мне немного каолиновой глины? Понимаешь ли, я строю дом, и мне надо щели замазать.

— Каолиновой глины? Что это за глина?

— Не знаешь? — удивился ручейник. — Ну, тогда иди, иди своей дорогой. Мне некогда время попусту тратить.

Чем дальше шёл Макар, тем больше встречал непонятных вещей. Он не знал, какие минералы лежат у него под ногами, какие животные проплывают под носом. Особенно поразила Макара встреча с жуком-плавунцом. Жук сидел на опушке леса и в лупу рассматривал какие-то крохотные растения. Это оказался удивительно учёный ботаник: каждое растение он называл мудрёными латинскими именами.

— А вы тоже ботаник? — спросил жук, рассматривая Макара в лупу.

— Нет, я охотник, — поспешил ответить Макар и, чтобы не выдать своего невежества, направился прочь от жука.

Едва он прошёл с полсотни шагов, как наткнулся на стадо блох. Плохо пришлось бы Макару, если бы у него не было ремня с пряжкой. И хотя он в драке получил множество ушибов, блохи пострадали гораздо сильнее и в панике отступили.

Эта первая победа в подводном царстве обрадовала Макара. Он присел на камешек и задумался, строя планы освобождения из подводного мира. Возле него появился паук. Паук лёг на шар и, держась за него, помчался вверх, где между ветвей красовался его воздушный дворец.

— Батюшки!.. И простофиля же я! — воскликнул Макар. — Это же кислородные пузырьки на листьях элодеи! — Он ясно-преясно вспомнил об этом слова учителя. Это было на одном из уроков, когда он внимательно слушал.

Макар направился к ближайшему листу элодеи и стал вспоминать всё, что узнал в школе. И как только ему удавалось что-нибудь припомнить, он с восторгом замечал, что начинает расти. Макар принялся собирать бриллиантовые шары с листьев элодеи и связывать их тонкими водорослями. На-

бралась гирлянда не хуже, чем у продавца воздушных шаров.

Шары помчали Макара вверх. Снова на него с любопытством смотрели мальки, но они уже не решались укунить Макара.

Невдалеке проплыла золотая рыбка, и Макару показалось, что она помахала ему плавниками. Макар тоже послал ей приветствие рукой.

Воздушные шары с плеском вынесли Макара на водную поверхность. Поток воздуха увлёк шары в приоткрытую дверь, и Макар увидел, что снова находится в своём классе. Летая над головами товарищей, Макар понял, что все они чем-то очень расстроены, говорят о нём и почему-то вспоминают только одно хорошее.

Вот встал Костя Шабаршин и рассказал, как Макар летом спас утопавшего щенка и как вырастил золотую рыбку для школьного аквариума.

— Да, жаль, — сказал учитель. — Парень он был очень хороший и мог бы учиться отлично.

Слова товарищей и учителя не прошли для Макара даром. Он продолжал расти и в конце концов стал таким тяжёлым, что опустился прямо на свою парту и в мгновение ока превратился в прежнего Макара.

Первым заметила Макара его соседка по парте Поля Иванова.

— Макар! — крикнула она. — Ребята, Макар появился!

— Тише! Не волноваться! — сказал учитель, а сам от волнения обмакнул карандаш в чернильницу.

Когда ребята немного успокоились, учитель сделал выговор Макару за то, что он без разрешения вошёл в класс.

Макар хотел было рассказать всё как было, но, увидев на доске условие новой задачи, извинился и стал старательно переписывать, решив про себя, что о своих приключениях он расскажет ребятам на большой перемене.

ТРЯСОГУЗКИНЫ ПИСЬМА

Н. СЛАДКОВ

У калитки в наш сад прибит почтовый ящик. Ящик самодельный, деревянный, с узкой щелью для писем. Почтовый ящик так долго висел на заборе, что доски его стали серыми и в них завёлся древоточец.

Осенью залетел в сад дятел. Прицепился к ящику, стукнул носом и сразу угадал: тут древоточина! И у самой щели, в которую опускают письма, выдолбил круглую дыру.

А весной прилетела в сад трясогузка — тоненькая серенькая птичка с длинным хвостиком. Она вспорхнула на почтовый ящик, заглянула одним глазком в дыру, пробитую дятлом, и облюбовала ящик под гнездо.

Трясогузку эту мы прозвали почтальоном. Не потому, что она поселилась в почтовом ящике, а потому, что она, как настоящий почтальон, стала приносить и опускать в ящик разные бумажки.

Когда же приходил настоящий почтальон и опускал в ящик письмо, перепуганная трясогузка вылетала из ящика и долго бегала по крыше, тревожно попискивая и качая длинным хвостом. И мы уже знали: тревожится птичка — значит, есть нам письмо.

Скоро вывела наша почтальонша птенцов. Тревог и забот у неё — на целый день: и кормить птенцов надо и от врагов защищать. Стоило те-

перь почтальону показаться на нашей улице, как трясогузка летела ему навстречу, порхала у самой головы и тревожно пищала. Птичка узнавала его среди других людей.

Услышав отчаянный писк трясогузки, мы выходили навстречу почтальону и брали у него газеты и письма: мы не хотели, чтобы он тревожил птичку.

Птенцы быстро росли. Самые ловкие стали уже выглядывать из щели ящика, крутя носами и хмурясь от солнца. И однажды вся весёлая семейка улетела из почтового ящика на широкие, залитые солнцем речные отмели.

А когда пришла осень, в сад опять прилетел бродяга-дятел в красной шапке. Он прицепился к почтовому ящику и носом своим, как долотом, так расширил дыру, что в неё стала просовываться рука.

Я просунул руку в ящик и вынул из него все трясогузкины «письма». По этим «письмам» я узнал, чем выстилают трясогузки свои гнёзда. Были там обрывки газет, пучки ваты, волосы, разноцветные бумажки от конфет, сухие травинки и стружки.

За зиму ящик совсем одряхлел: для писем он уже не годится. Но мы его не выбрасываем: ждём возвращения серенького почтальона, ждём привета с далёкого юга.

ТИХИЙ ЧАС

Н. ЛОТКИН

Рис. А. РЕШЕТОВОЙ

В детском садике у нас
Тихий час.
В этот час нам нужна
Тишина.
Мы сказали:—Чок! Чок! Чок!
Язычок,
Закрываем тебя
В сундучок.

Запираем сундучок
На крючок.
Все ребятки—на кровати,
Все молчок!
Потому что у нас
Тихий час.
Потому что нужна
Ти-и-
ши-и-
на-а!

КУЗНЕЦЫ

Мой старый дедушка — кузнец,
Кузнец и мой отец.

„Я тоже стану кузнецом, —
Я сам себе сказал. —
Я, как и дед с моим отцом,
Хочу ковать металл“.

Я в кузнице своей не гость —
Вчера я сделал первый гвоздь.

— Добро, сынок, — сказал отец. —
Хороший будешь ты кузнец!

О нас в колхозе говорят —
И я тому, конечно, рад, —
Что все Шатровы — молодцы,
Потомственные кузнецы!

Мих. ЛАПЫГИН

Рис. А. КОРОТКИНА

НАХОДЧИВЫЙ КРЕСТЬЯНИН

ИНДОНЕЗИЙСКАЯ СКАЗКА

На острове Ява жил один бедный крестьянин. На маленьком клочке его земли росло одно-единственное банановое дерево.

И вот однажды мимо хижины этого бедняка проходили три путника: монах, лекарь и ростовщик. Первым увидел банановое дерево ростовщик. И он сказал своим спутникам так:

— Нас трое, а крестьянин один. Как может он помешать нам лакомиться его сладкими бананами?

И нечестные люди стали как ни в чём не бывало поедать на глазах крестьянина плоды с его единственного дерева.

— Что вы делаете, почтенные господа! — закричал в отчаянии бедняк. — Это же мои бананы!..

— Ну и что из того, что твои? — спросил нахально монах.

— Они нам пришлись по вкусу, вот мы их и едим, — добавил лекарь.

— И не мешай нам, а не то тебе придётся плохо! — пригрозил ростовщик.

«Их трое, а я один, — подумал крестьянин. — Силой мне с ними не совладать. Но не буду же я спокойно смотреть, как они хозяйничают на моей земле!»

И, обратившись к незванным гостям, он сказал:

— Великая честь видеть в своём доме служителя неба и знаменитого лекаря. Но я поражён, что с вами находится такой презренный человек, как этот ростовщик. Смотрите, сколь он жаден: пока вы срываете один банан, он срывает пять, да ещё самых спелых!

Тогда монах воскликнул в негодовании:

— Прожорливый ростовщик, ты проявил непочтительность к служителю неба!

Убирайся отсюда, пока мы не расправились с тобой!..

«Их трое, а я один», — подумал в страхе ростовщик и поспешил исчезнуть. Монах же и лекарь по-прежнему продолжали срывать с дерева бананы. Тогда крестьянин обратился к лекарю с такими словами:

— Не сердитесь на меня, почтенный господин, но мне кажется, что ваша наука не в силах исцелить человеческий недуг.

— Что ты понимаешь в моей науке, невежда! — рассердился лекарь. — Множество людей выздоровело благодаря моим советам.

— А я думаю, что они выздоровели потому, что так угодно было небу.

— При чём здесь небо! — закричал лекарь. — Лечу людей я, а не небо!

— Что ты говоришь, нечестивец?! — возмутился монах. — Ты посмел усомниться в могуществе неба!..

— Святой отец, он оскорбил небо! — воскликнул вслед за монахом крестьянин. — Великий грех находиться рядом с таким нечестивцем!

— Сгинь с наших глаз сейчас же! — завопил монах.

«Их двое, а я один», — подумал лекарь и, забыв о бананах, бросился бежать.

Когда крестьянин и монах остались один на один, крестьянин спросил монаха:

— О ты, изучивший многие священные законы, скажи, не запрещают ли эти законы присваивать имущество других?

— Да, это так, — подтвердил монах.

— Тогда почему же ты пожираешь бананы, которые не принадлежат тебе?

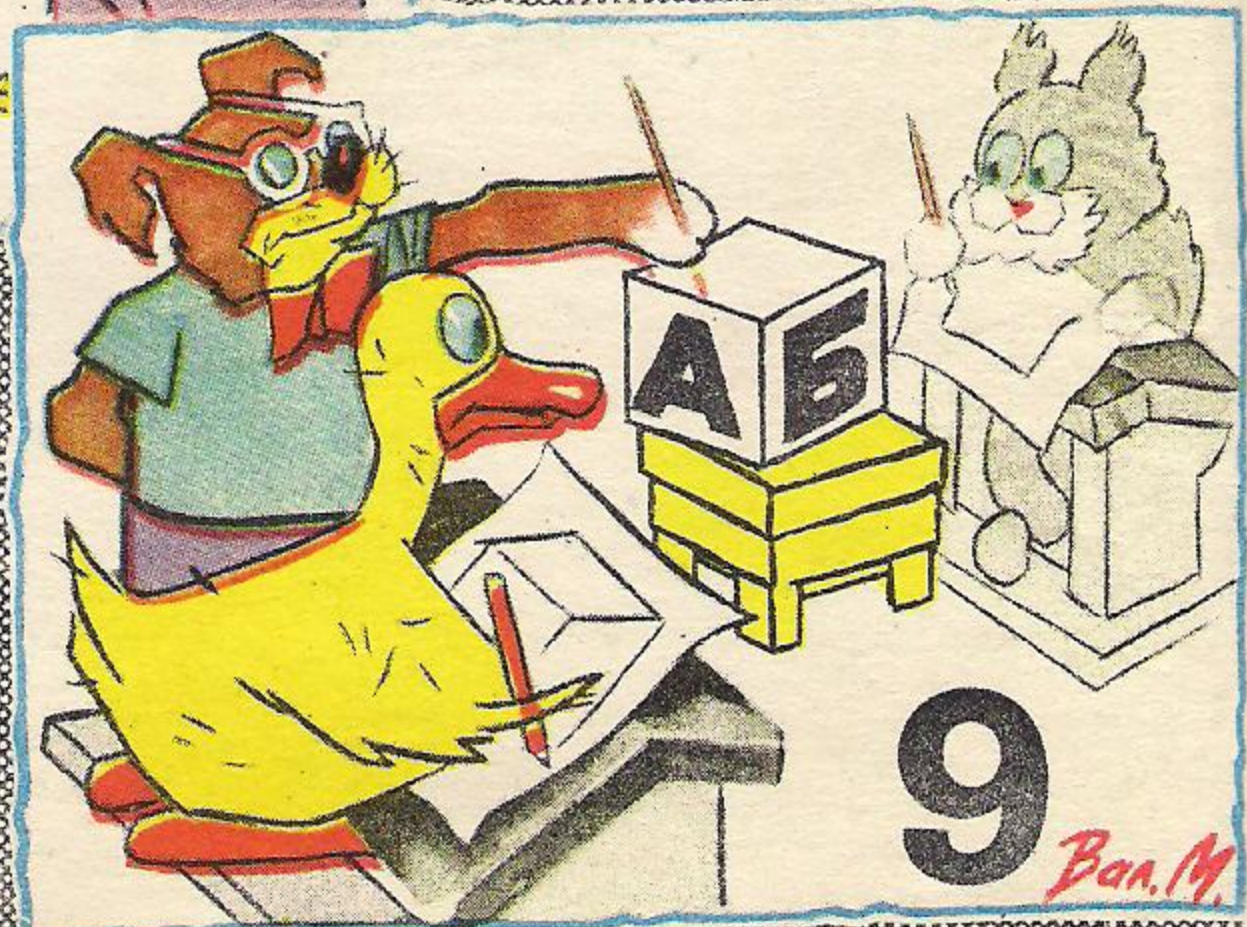
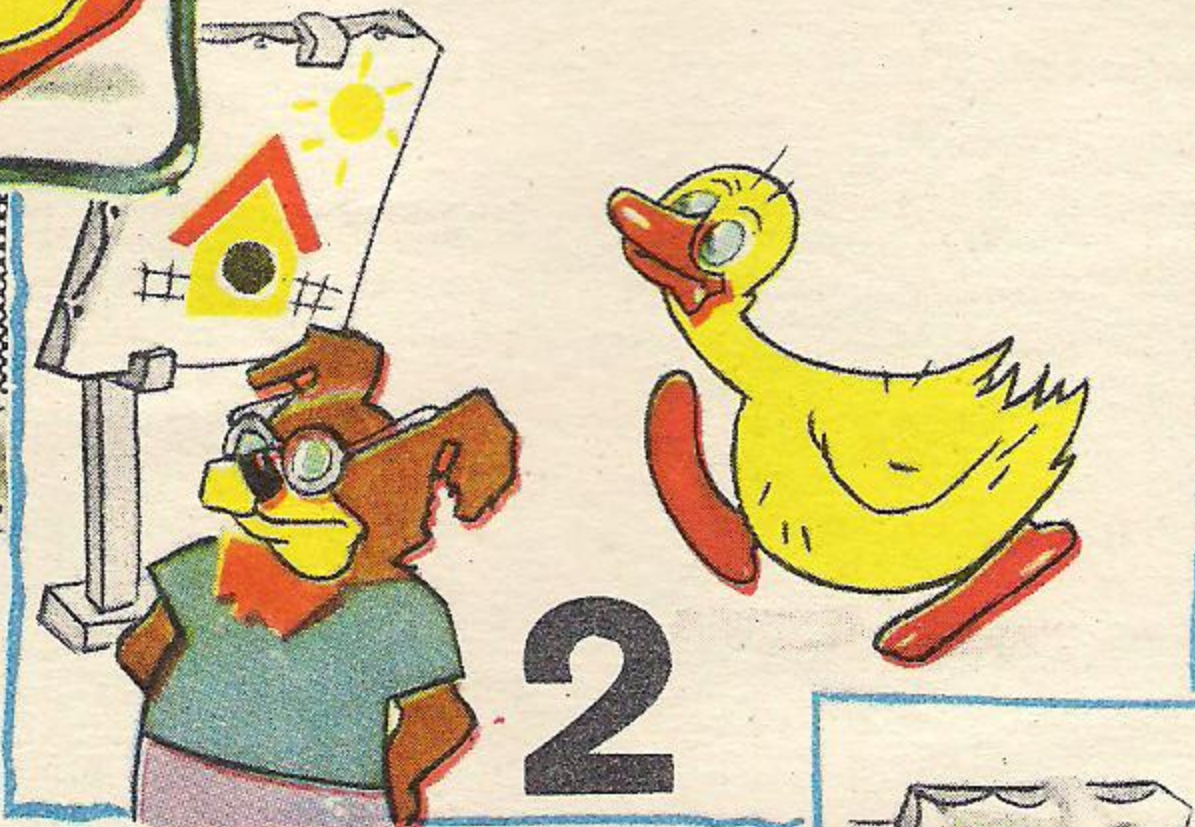
Пока монах думал, что ему ответить, крестьянин взял увесистую палку и, указав монаху на дорогу, сказал:

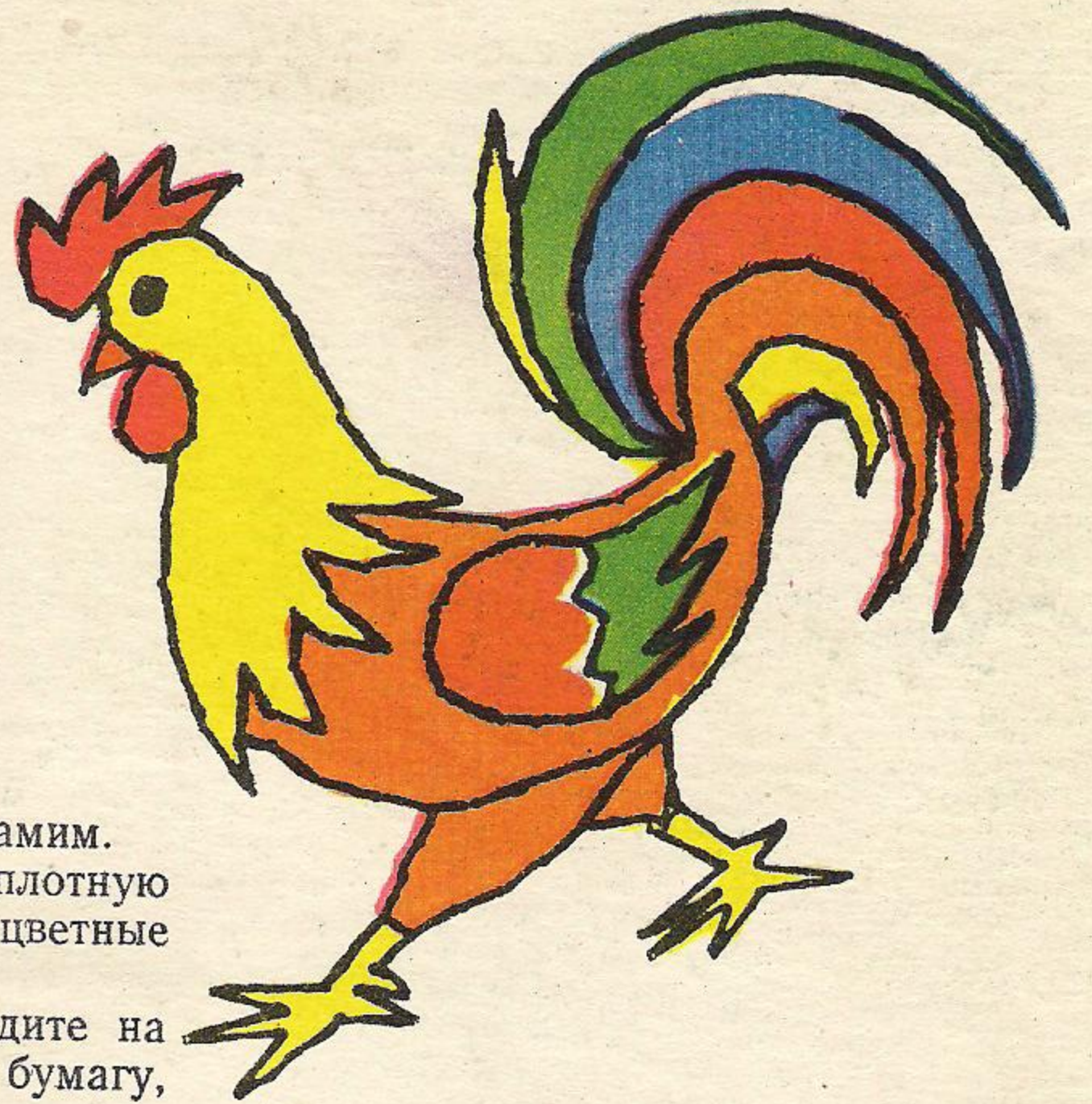
— Ступай, святой отец, своим путём и впредь даже близко не подходи к моему дереву!

Монах посмотрел на увесистую палку в руках крестьянина, поклонился и поспешил прочь.

Так находчивый крестьянин избавился от непрошенных гостей.

Эти вышивки очень просто сделать самим. Для этой работы необходимо иметь плотную бумагу, краски, штопальную иголку, цветные толстые нитки и ножницы.

Сначала журнальный рисунок переведите на прозрачную бумагу, а потом на плотную бумагу, подложив копирку.

Размер бумаги не должен быть больше чем 13×20 сантиметров, иначе будет трудно работать.

Переведённый рисунок надо штопальной иглой проколоть по контуру через каждые 5—6 миллиметров, а где линия круто изгибается, там проколы делать надо ещё ближе друг к другу.

Теперь рисунок надо раскрасить, и когда он подсохнет, обшить стебельчатым швом по контуру.

Нитки с обратной стороны работы закрепляют узлом и отрезают ножницами.

Рисунок получается рельефным, выпуклым и нарядным.

Так можно сделать закладку для книги, открытку и вообще картинку.

Вышивать могут как девочки, так и мальчики. Напишите, что у вас получилось и нравится ли вам эта работа.

За работу, друзья!

Рис. М. ЗОТОВОЙ

На обложке рисунок Е. АФАНАСЬЕВОЙ

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, Е. ЕРШОВА (зам. редактора), Ю. КОРИНЕЦ, М. КОРШУНОВ, С. МАРШАК, Ю. НАГИБИН, Е. РАЧЁВ

Художественный редактор О. Камкин

Рукописи не возвращаются

Технический редактор Г. Морозова

Год издания тридцать третий

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Подп. к печати 25/VII 1957 г.

Бумага 60×92¹/₈ = 1,5 бум. л. = 3 печ. л. Уч.-изд. л. 2,8

Тираж 1 000 000 экз.

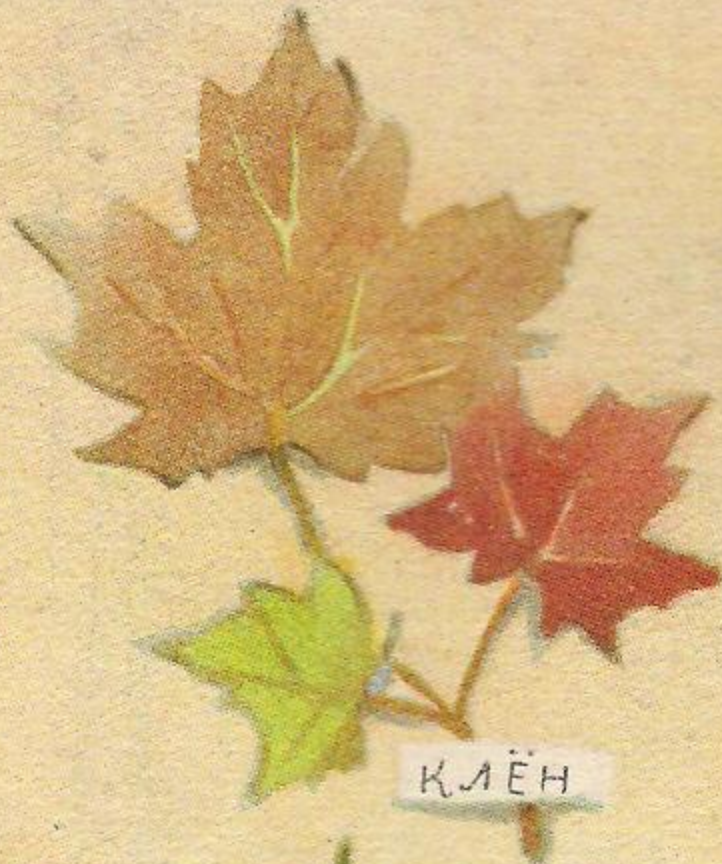
Заказ 1503

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сушэвская, 21.

рис. М. Афанасьевой

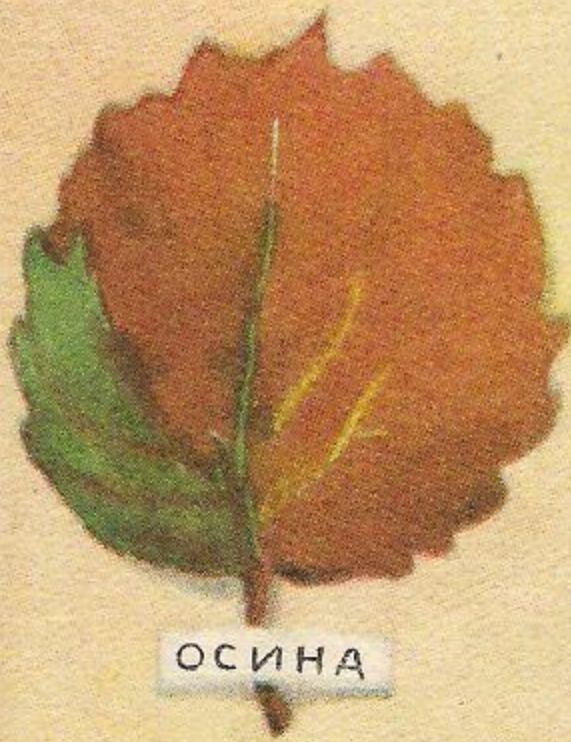
РЯБИНА

КЛЁН

ЛИПА

ОСИНА

ЯСЕНЬ

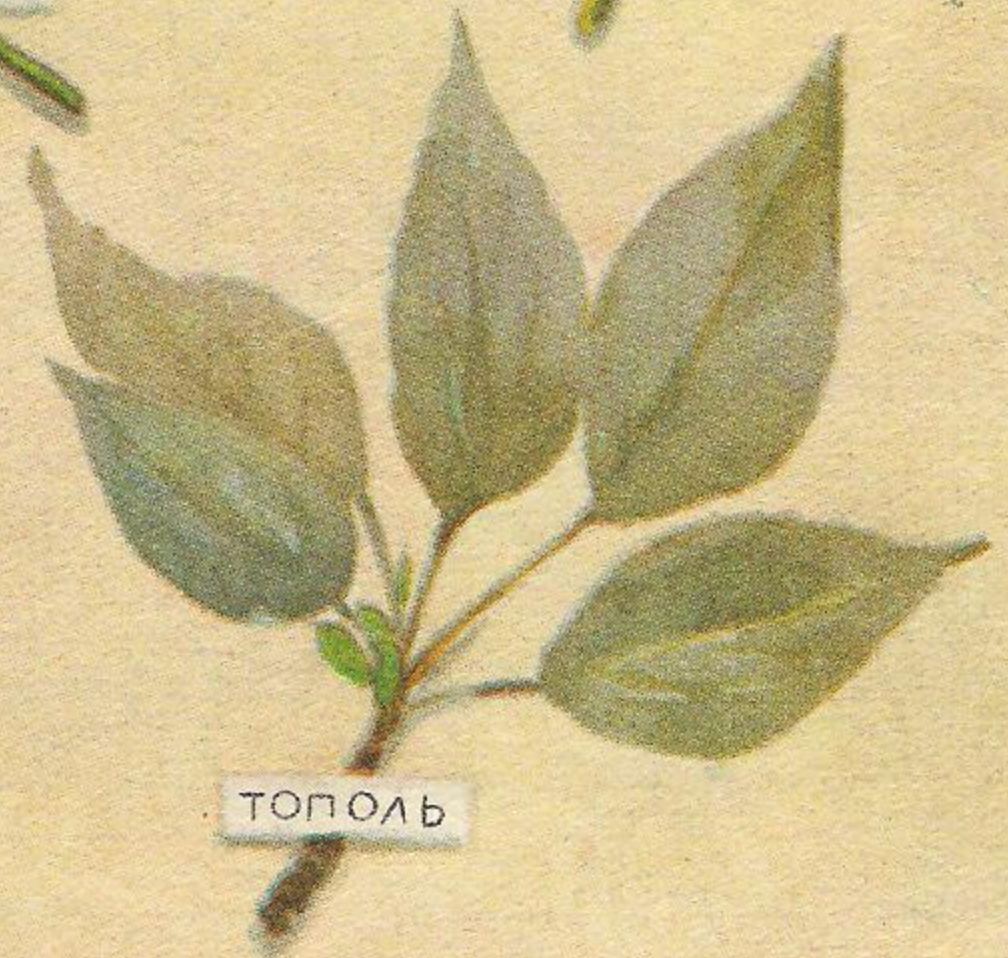
БЕРЁЗА

ДУБ

ОРЕШНИК

ТОПОЛЬ

